

Н. А. Марченко

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. nikitamar@outlook.com

НОВГОРОДСКИЕ АРХИЕРЕИ В ПОМИНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ XV–XVII ВВ.

Статья посвящена изучению традиции заупокойного поминовения высших иерархических лиц в средневековой богослужебной практике Соловецкого монастыря. На основе памятников монастырской поминальной культуры XV–XVII вв. – синодиков, вкладных и кормовых книг, а также агнографических источников и актового материала анализируются вклады в Соловецкую обитель архиереев, возглавлявших Новгородскую кафедру. Автору удалось установить, что сравнительно небольшое количество новгородских архиереев (8 из 22), руководивших Новгородской епархией в допетровский период, сделали вклады в Соловецкий монастырь за себя и свой род, получив право на запись в поминальных монастырских документах. Неравноценность сделанных владыками вкладов также говорит о произвольном характере их действий, основанном лишь на личной инициативе, а не какой-либо устойчивой кафедральной традиции. Большинство архиерейских вложений являлись минимально достаточными для поминовения в монастыре. Лишь единичные крупные поминальные пожертвования новгородских владык преследовали цель внести существенный вклад в духовную и экономическую жизнь Соловецкой обители.

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, новгородские архиереи, поминальная практика, вклады, синодик, вкладная книга, кормовая книга

Особое значение в богослужебной практике русских средневековых монастырей имело поминовение почивших создателей обителей, их ктиторов, а также иерархов, в пределах епархий которых располагался монастырь. Однако если поминовение в обители архиереев было прежде всего выражением обязанности иноков молиться за духовные власти, то со стороны иерархов участие в поминальной практике обители являлось добровольным. Оно отражало как желание архиерея о молитве монашествующих, так и степень духовной близости архиерея к конкретному монастырскому братству и его заботу о материальном благосостоянии монастыря. Заупокойная поминальная практика русских монастырей в отношении своих архиереев проливает свет на важную научную проблему взаимоотношений русского епископата и монашеских обителей в эпоху Средневековья.

Общие вопросы, связанные с поминальной практикой русских средневековых монастырей, успешно изучаются в современной историографии. Наиболее полными и глубокими исследованиями в этой области являются труды С. В. Конева [Конев], С. В. Сазонова [Сазонов, 1991; Сазонов, 1993], А. И. Алексеева [Алексеев, 1996; Алексеев, 1997; Алексеев, 2002], Л. Штайндорфа [Штайндорф, 2000; Штайндорф, 2018], Т. И. Шабловой [Новгородские синодики; Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря; Кормовое поминовение], И. В. Дергачевой [Дергачева]. Попытку рассмотреть практику поминовения духовных лиц непосредственно в Соловецком монастыре сделали О. В. Панченко [Панченко], В. А. Буров [Буров, 2001; Буров, 2006; Буров, 2013], А. Г. Мельник [Мельник], А. Е. Тарасов [Тарасов], а также американская исследовательница Дж. Спок [Spock], обратившие внимание на содержание основных памятников поминальной культуры этой обители.

Можно сказать, что общие вопросы, связанные с заупокойной поминальной практикой в средневековой Руси, изучены довольно полно. Однако перечисленные труды почти не дают представления о том, как существовавшие в то время формы заупокойного поминовения влияли на *реальную* поминальную практику архиереев Русской церкви и монастырей, входивших

в сферу их канонической власти. Представленная статья не ставит своей задачей выявление новых, неизвестных ранее, механизмов поминальных практик в средневековой Руси, а является попыткой пролить свет на то, как их осуществление влияло на характер взаимоотношений новгородских архиереев и Соловецкого монастыря, входившего в состав Новгородской архиепископии, а затем и митрополии с момента своего основания до 1682 г.

В конце XV – начале XVI в. в Русской церкви получила распространение новая практика заупокойного поминовения, отличительной особенностью которой являлось установление в монастырях вечного повседневного и кормового поминовения усопших [Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря, с. 36]. Введение в русских монастырях новой поминальной практики привело к специализации синодиков-помянников, которые были разделены на вечные, повседневные и кормовые. Вечный синодик читался в церковном притворе или на клиросном аналое во время богослужения и назывался также «подстенным» или «аналойным». Чтение повседневного синодика совершалось во время Литургии в алтаре, отчего он часто назывался «алтарным», а также во время панихид и заупокойных литий, такие синодики носили название «литийных». Кормовые синодики использовались во время совершения кормовых панихид в дни памяти монастырских вкладчиков.

Установление различных видов поминовения привело и к дифференциации его стоимости. Плата за запись в повседневный и кормовой синодики была высокой, не каждый христианин мог себе это позволить, однако «вечный синодик был доступен каждому: для записи в него следовало сделать вклад “по силе”» [Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря, с. 37]. Стоимость перечисленных видов заупокойного поминовения в разных монастырях была различной и могла со временем меняться. Умножение вкладов и кормов по усопшим вследствие введения в русских монастырях новой поминальной практики привело к возникновению нового вида монастырской документации – вкладных и кормовых книг. Повсеместное распространение последних, по-видимому, было связано с официальным закреплением кормового поминовения Стоглавым собором 1551 г.¹ [Кормовое поминовение, с. 41].

Синодики, кормовые и вкладные книги Соловецкого монастыря позволяют выявить место новгородских архиереев в поминальной практике обители и одновременно определить, какое место отводилось почитанию Соловецкой обители главами Новгородской владычной кафедры. Из всех дошедших до нашего времени синодиков Соловецкого монастыря к интересующей нас эпохе относятся лишь три, они были созданы в XVII столетии. Первый из указанных синодиков, так называемый «Подстенный», ныне хранится в Отделе рукописных фондов Государственного музея истории религии под № 392 (ОРФ ГМИР. Кол. 3. Оп. 1. № 392; далее – ГМИР 392). Согласно мнению О. В. Панченко, начало его составления относится к 1600-м гг., а время завершения – к 1790-м гг. [Панченко, с. 712]. Подобный ему синодик хранится в Епархиальном собрании Отдела рукописей ГИМ под № 944 (далее – Епарх. 944). Этот синодик, как показал А. Е. Тарасов, мог быть создан между 1626 и 1634 гг. и пополнялся записями вплоть до 1796 г. [Тарасов, с. 80]. Третий синодик хранится в Архангельском собрании Научно-исследовательского отдела рукописей БАН под № 392 (далее – Арханг. 392). На наш взгляд, он был составлен в конце XVII – начале XVIII в. Основанием для такой датировки служит поминальный список русских царей, доведенный в данном синодике до царя Ивана Алексеевича, умершего в 1696 г.

Все рассматриваемые нами синодики включают так называемое общее поминание, бывшее традиционной частью русских средневековых синодиков. В его состав обыкновенно

---

¹ Стоглавь. Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче. СПб., 2014. С. 201.

входило поминовение мирских и духовных властей [Дергачева, с. 11]. В общее поминание синодиков ГМИР 392 и Епарх. 944 входят следующие разделы, содержащие имена иерархов: «Преосвященных митрополитов Киевских и всея России», «Святейших патриархов Московских», а также поминания ряда архиереев других епархий. Кроме того, в составе общего поминания этих синодиков содержится раздел с именами архиереев Новгородской епархии, к которой принадлежал Соловецкий монастырь (ГМИР 392. Л. 1; Епарх. 944. Л. 6).

В синодиках ГМИР 392 и Епарх. 944 список новгородских владык разделен на две части. Первая включает имена новгородских епископов и архиепископов, вторая – имена новгородских митрополитов. Первая часть перечня владык в ГМИР 392 состоит из 38 имен², она начинается с епископа Иоакима Корсунянина (989–1030 гг.)³, считающегося первым новгородским архиереем, и завершается именем архиепископа Александра (1576–1591 гг.)⁴. Список новгородских митрополитов в этом синодике открывается именем митрополита Варлаама (1592–1601 гг.) и заканчивается именем митрополита Корнилия (1674–1695 гг.).

В синодике Епарх. 944 перечень имен новгородских епископов и архиепископов полностью совпадает с аналогичным перечнем в ГМИР 392, за исключением имени архиепископа Александра (1576–1591 гг.), записанного в данном синодике в раздел митрополитов. Список новгородских митрополитов в Епарх. 944 начинается именем уже упомянутого нами митрополита Александра и завершается именем митрополита Корнилия (1674–1695 гг.). Следует отметить, что первоначально список митрополитов в этом синодике оканчивался именем митрополита Макария (1619–1626 гг.), впоследствии перечень владык в синодике был несколько раз пополнен, записи имен сделаны разными почерками.

Находящийся в составе общего поминания соловецких синодиков ГМИР 392 и Епарх. 944 список новгородских иерархов относится к выявленной А. С. Хорошевым «Архиепископской редакции» летописного перечня новгородских владык. По мнению исследователя, он восходит к раннему не дошедшему до наших дней синодику новгородского Софийского собора [Хорошев, с. 133]. Отличительной особенностью этого перечня владык является объединение имен новгородских епископов и архиепископов в единую статью. Кроме того, в данный список были включены лишь официально поставленные на Новгородскую кафедру иерархи [Хорошев, с. 131]. Похожие примеры поминальных списков новгородских владык можно найти и в других ранних синодиках Новгородской епархии, например в синодике Лисицкого монастыря рубежа XIV–XV вв., единственном сохранившемся новгородском синодике времен новгородской независимости [Новгородские синодики, с. 69]. На архаичность памяти архиереев в рассматриваемых соловецких синодиках также указывает имя митрополита Герасима († 1435), включенное в перечень митрополитов всея Руси (Епарх. 944. Л. 6). Известно, что Герасим не считался законным митрополитом в Москве, однако в Новгородской епархии во времена независимости Новгорода его легитимность признавалась [Тарасов, с. 83].

На наш взгляд, характер и полнота списка новгородских архиереев, включенного в общее поминание соловецких синодиков XVII столетия, дает основания предполагать, что он восходит к раннему синодику и со временем был пополнен новыми именами. Вероятно, аналогичное поминание новгородских владык могло существовать и в соловецких синодиках XV–XVI вв. Известно, что в Соловецком монастыре в XV–XVI вв. велись записи синодического характера. Об этом свидетельствует синодик ГМИР 392, который содержит недатированный поминальный список соловецкой братии, а также перечисления родов ранних вкладчиков,

---

² В списке упоминаются 37 новгородских владык, имя архиепископа Пимена ошибочно написано дважды.

³ Здесь и далее в скобках указаны годы управления Новгородской епархией; дата начала управления епископом Иоакимом Новгородской епархией условна (см.: [Карпов]).

⁴ В 1586 г. возведен в сан митрополита Новгородского.

включая «Род посадников новгородских» (Л. 25 об.). По всей видимости, появление этой записи в соловецком синодике следует связывать с вкладом в монастырь новгородской посадницы Марфы Борецкой. Согласно ее данной грамоте, в обмен на земельные пожалования монастырь обязывался поминать мужа посадницы, ее детей и предков: «А поминати им мужа моего Исака, и родителей моих, да и детей моих. А ставити им обед на Дмитриев день»⁵. Исходя из этого, составление в обители синодиков должно было начаться еще до присоединения Новгорода к Московскому государству в 1478 г., при жизни основателя монастыря – прп. Зосимы Соловецкого.

Включенное в начальную часть соловецких синодиков поминовение новгородских владык отражает издревле существовавшую в Православной церкви практику молитвы о духовных властях [Новгородские синодики, с. 14]. Однако подобного рода поминовение имело прежде всего церковно-этикетное значение и не было связано с характером отношений тех или иных владык с Соловецким монастырем. Об этом свидетельствует общее поминание позднейших соловецких синодиков. В синодиках Соловецкого монастыря, созданных в XVIII в., вместо списка имен новгородских владык в состав общего поминания включался перечень холмогорских архиереев, в ведение которых монастырь был переведен в 1682 г.⁶ [Досифей (Немчинов), с. 172].

Впрочем, имена некоторых новгородских архиереев XV–XVII вв., а также членов их родов находятся не только в составе общего поминания, но и в основной части синодиков Соловецкого монастыря, основанием для записи в которую традиционно являлись поминальные вклады [Кормовое поминовение, с. 21]. Обратимся к этим записям.

В синодике Епарх. 944 содержится поминальная запись рода архиепископа Новгородского Геннадия (1484–1504 гг.), включающая список из 145 имен (Епарх. 944. Л. 36–43 об.), а также родителей митрополита всея Руси Макария, который был архиепископом Новгородским в 1526–1542 гг.: «Род Макария Митрополита: Леонтия, иноку Ефросинию» (Епарх. 944. Л. 29 об.). Синодик ГМИР 392 также содержит поминания родов новгородских архиереев. Во-первых, род митрополита Новгородского Исидора (1603–1619 гг.): «Род новгородскаго митрополита Исидора. Игумена Ивана. Священноиерея Елисея. Священноиерея Никифора. Инока Афонасия. Амбросия. Прасковгию. Евдокию. Александру. Елисаветю. Петра. Михайла» (ГМИР 392. Л. 73 об.). Во-вторых, родителей митрополита Новгородского Аффония (1635–1649): «Род преосвященного митрополита Авфония Новгородского и Великих Лук. Феодора убиеннаго⁷. Иноки Евникии» (ГМИР 392. Л. 25 об.). В-третьих, находящееся в разделе «Новгород» поминание рода новгородского митрополита Макария, состоящее из 52 имен (ГМИР 392. Л. 258).

В допетровский период Новгородскую епархию возглавляли два митрополита с именем Макарий. На наш взгляд, в данном случае речь идет о митрополите Макарии, управлявшем Новгородской кафедрой в 1652–1662 гг. Основание для такого предположения дает соловецкий синодик Арханг. 392. В составе его общего поминания нет специального раздела с перечислением имен архиереев Новгородских. Непосредственно после поминания московских патриархов в этом синодике следуют имена иерархов, возглавлявших разные епархии Русской церкви в XVI–XVII вв. Среди них есть имя митрополита Макария, над которым киноварью написано «171 год Новгородской» (Арханг. 392. Л. 7). Известно, что митрополит Макарий скончался

⁵ ГВНП. С. 300.

⁶ ОРФ ГМИР. Кол. 3. Оп. 1. № 221, 226. Синодики Соловецкого монастыря.

⁷ Слово «убиеннаго» написано киноварью над строкой.

в 14 ноября 7171 (1662) г.⁸ По-видимому, незадолго до смерти владыка сделал в обитель вклад на помин своей души. Вполне вероятно, что в то же время он дал вклад и для поминовения своих родственников, имена которых были записаны в «Подстенный» синодик ГМИР 392.

В Соловецком монастыре по новгородским владыкам совершалось также кормовое поминание. Нами был использован список кормовой книги Соловецкого монастыря, относящийся ко второй половине XVII столетия. В настоящее время он хранится в Соловецком собрании Отдела рукописей РНБ в Санкт-Петербурге под номером № 191/191 (далее – Сол. 191/191). Согласно мнению О. В. Панченко, данный список кормовой книги был создан в 1681–1682 гг. [Панченко, с. 715]. Из новгородских архиереев XVI в. в кормовой книге Соловецкого монастыря находятся памяти митрополита всея Руси Макария, возглавлявшего Новгородскую епархию в 1526–1542 гг., а также митрополита Новгородского Варлаама (1592–1601 гг.): «Декабря в 31 день корм за упокой по Макарии митрополите Московском, да по Варламе митрополите Ростовском, да по Варламе митрополите Новгородском, да по Рафаиле архиепископе Астраханском, да по Иосифе Суздальском» (Сол. 191/191. Л. 143 об.).

Кормовая память митрополитов Макария и Варлаама читается в составном кормовом поминании, включающем имена иерархов, возглавлявших различные епархии Русской церкви в течение XVI–XVII вв. Несмотря на сложную историю этой кормовой памяти, ее возникновение, по-видимому, следует отнести к XVI в. и связывать с памятью митрополита всея Руси Макария. Основанием для такого предположения служит дата ее совершения в Соловецком монастыре, приходящаяся на 31 декабря – день смерти митрополита Макария [Макарий (Веретенников), с. 1106].

Из новгородских архиереев XVII столетия в кормовое поминание Соловецкого монастыря вошел лишь митрополит Исидор (1603–1619 гг.): «Декабря в 7 день корм с квасом за упокой по новгородском митрополите Исидоре» (Сол. 191/191. Л. 143). Примечательно, что память митрополита Исидора в кормовой книге охарактеризована как «корм с квасом». Согласно подсчетам соловецких иноков, в конце XVII в. из 116 кормовых панихид в Соловецком монастыре с квасом были лишь 49 (Сол. 191/191. Л. 149 об.). Таким образом, кормовая память митрополита Исидора имела более высокий статус, чем память митрополитов Макария и Варлаама, и была равна по статусу памятям наиболее выдающихся вкладчиков Соловецкого монастыря, среди которых были русские цари, члены их семей и московские патриархи.

Поминание перечисленных архиереев и их родов в монастырских синодиках и кормовых книгах не является случайным. Его причины следует искать в пожалованиях и вкладах, сделанных этими иерархами в Соловецкий монастырь. Для выявления вкладов новгородских владык в Соловецкую обитель нами были использованы две сохранившиеся монастырские вкладные книги, которые в настоящее время хранятся в коллекции № 2 (Актовые книги Археографической комиссии), оп. 1, Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Первая из них, под № 125 (далее – Археогр. 125), относится к XVI в. На наш взгляд, косвенным указанием на начало составления этой книги является запись о вкладе митрополита всея Руси Макария, сделанная основным, первоначальным почерком вкладной книги: «Архиепископ Великаго Новагорода и Пскова владыка Макарей, а после был на Москве митрополит, дал пятьдесят рублей, да книгу Никон в 15 рублей, да зделал часы большие» (Археогр. 125. Л. 23–23 об.). Вкладная книга говорит о митрополите Макарии как о «бывшем на Москве», то есть уже умершем. Известно, что митрополит Макарий умер 31 декабря 1563 г.

---

⁸ Летописец церквам Божиим // Новгородские летописи (Так названные Новгородская Вторая и Новгородская Третья летописи). СПб., 1879. С. 375.

Таким образом, составление соловецкой вкладной книги XVI столетия началось не ранее 1564 г. Последние датированные записи в данной вкладной книге относятся к 7110 (1601–1602) г. (Археогр. 125. Л. 329).

По нашим наблюдениям, записи о вкладых новгородских архиереев из вкладной книги XVI столетия были в полном объеме перенесены во вкладную книгу XVII в., хранящуюся под № 152 (далее – Археогр. 152). По мнению О. В. Панченко, составление этой книги было начато в 1613–1626 гг. Впоследствии записи в ней делались на протяжении почти двух столетий [Панченко, с. 721].

Вклады архиепископа Геннадия (1484–1504 гг.), обширное поминание рода которого нашло место в синодике Епарх. 944, никак не отражены в монастырских вкладных книгах. Однако, согласно «Слову о сотворении жития начальник соловецких Зосимы и Савватия», находящемуся в составе Первой дополненной редакции Жития Зосимы и Савватия⁹, после монастырского пожара 1485 г. иноки обращались к владыке с просьбой о помощи: «Мы ж словесы его утешевшися, делу касахомся; братию разрядихом: овех – к Москве к великому князю, а инех – в Великий Новгород к архиепископу Генадию, понеже велику веру имяше к обители преподобных; и повелехом на Москве и в Новгороде просити у всех христолюбцов на создание новыя церкви»¹⁰.

Известно, что владыка был прочно связан с Соловецким монастырем и глубоко почитал прп. Зосиму и в особенности прп. Савватия, бывшего когда-то его келейным старцем¹¹. Свидетельством благоприятного отношения архиепископа Геннадия к Соловецкому монастырю является наделение владыкой в 1491 г. судебными привилегиями и освобождение от уплаты архиерейских пошлин духовенства принадлежавшей монастырю приходской церкви в Варзуге¹². Кроме того, будучи почитателем прп. Зосимы и Савватия, архиепископ Геннадий сыграл видную роль в создании их Жития, став его непосредственным заказчиком¹³.

Принимая во внимание особые отношения владыки Геннадия с Соловецким монастырем, а также поминание его рода в монастырском синодике, запись в который традиционно осуществлялась за вклады [Кормовое поминовение, с. 21], можно уверенно предполагать, что он делал вклады в Соловецкую обитель. Однако в монастырских вкладных книгах вклады архиепископа Геннадия не зафиксированы. До наших дней не дошло сведений о земельных или денежных пожертвованиях иерарха в обитель, а также не сохранилось ни одного предмета, который можно было бы достоверно считать вкладом владыки в Соловецкий монастырь.

На наш взгляд, такое положение дел можно объяснить новым пожаром, случившимся в монастыре в 1538 г., в котором, согласно жалованной грамоте Ивана Грозного 1539 г., «манастырь згорел весь до основанья»¹⁴. В этом пожаре могли погибнуть и пожертвованные Геннадием предметы, и упоминания о каких-либо пожертвованиях. Впрочем, вкладом архиепископа Геннадия в обитель могли быть книги, переписывавшиеся для Соловецкого монастыря при Новгородской архиерейской кафедре [Макарий (Веретенников), Печников,

⁹ Названия редакций Жития Зосимы и Савватия Соловецких даны по публикации С. В. Минеевой: Минеева С. В. Рукописная традиция жития Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 2. Тексты.

¹⁰ Житие и чудеса преп. Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Первая дополненная редакция // Минеева С. В. Рукописная традиция жития Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. 2. С. 116.

¹¹ Житие и чудеса преп. Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Первоначальная редакция // Минеева С. В. Рукописная традиция жития Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). Т. 2. С. 47.

¹² Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 20.

¹³ Житие и чудеса преп. Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Первоначальная редакция. С. 46.

¹⁴ Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. С. 50.

с. 591], среди них: «Миняя новым чудотворцам» [Порфирьев, Вадковский, Красносельцев, 1885, с. 358], «Беседа Козьмы пресвитера на богомилы» [Порфирьев, Вадковский, Красносельцев, 1881, с. 513], Кормчая книга [Порфирьев, Вадковский, Красносельцев, 1885, с. 1] и др. [Порфирьев, Вадковский, Красносельцев, 1881, с. 7]. Возможно, вкладом архиепископа Геннадия в монастырскую библиотеку также является его авторское сочинение «Круг миротворный, или Пасхалия на 8 тысячу лет» [Досифей (Немчинов), с. 299].

Другой иерарх, митрополит всея Руси Макарий, занимавший Новгородскую кафедру в 1526–1542 гг., по которому в Соловецком монастыре совершалось кормовое поминание, а имена родителей которого были записаны в монастырский синодик, являлся значительным вкладчиком Соловецкой обители. Его вклады отражены в монастырских вкладных книгах: «Митрополит Макарей дал пятьдесят рублей, да книгу Никон в пятнадцать рублей, да зделал часы болшие» (Археогр. 125. Л. 23–23 об.; Археогр. 152. Л. 86). Что касается новгородского митрополита Варлаама (1592–1601 гг.), включенного в кормовое поминание Соловецкого монастыря, то, согласно вкладным книгам, его вклад в монастырь составлял 50 рублей (Археогр. 125. Л. 29; Археогр. 152. Л. 604).

Такой размер вклада считался минимальным для включения вкладчика в кормовое поминание в Соловецком монастыре, свидетельством этому является совершавшаяся 14 января кормовая память по вкладчикам, вложившим в монастырь 50 рублей и более: «Генваря в 14 день корм за упокой по вкладчикам, которые давали по пятидесяти рублей и болши» (Сол. 191/191. Л. 143 об.). Однако, согласно монастырской вкладной книге, в некоторых случаях кормовое поминание по вкладчику могло совершаться и за вклад в 40 рублей (Археогр. 152. Л. 109).

Чтобы оценить, насколько существенными для монастырской экономики были вклады такого размера, следует обратиться к ценам на наиболее нужные в хозяйстве Соловецкой обители товары. Так, занятие соляным промыслом, являвшимся основой хозяйства Соловецкого монастыря и его вотчин [Савич, с. 93], требовало изготовления цренов – больших железных сковород для выварки соли. На изготовление одного црена в среднем «требовалось 140–150 полиц железа и около трех пудов гвоздей» [Устюгов, с. 127]¹⁵. Согласно наблюдениям А. Г. Манькова, в XVI в. Соловецкий монастырь закупал цренное железо по ценам от 5 московских денег за полицу в 1571 г. до 11 московских денег в 1584 г. [Маньков, с. 179–180]. Если считать, что на изготовление црена шло 150 полиц железа, то на вклад в 50 рублей в 1571 г. можно было закупить железа для изготовления примерно 13 цренов, а в 1584 г. – лишь 6 цренов. Таким образом, вклад в 50 рублей был существенным для экономики монастыря и способствовал развитию его хозяйства. Однако существовавшая в Московском государстве нестабильность цен на товары делала вклады, данные в обитель в разное время, экономически неравноценными.

Несмотря на то что стоимость кормового поминания в Соловецком монастыре была высокой в абсолютных цифрах, она была значительно ниже, чем в некоторых других известных монашеских обителях. Например, в Иосифо-Волоколамском монастыре кормы были разделены на меньшие, средние и большие. Размер вклада за запись в меньший корм составлял 100 рублей [Штайндорф, 2018, с. 1040; Алексеев, 2002, с. 151]. А в Троице-Сергиевом монастыре в XVII столетии за запись в меньший корм требовался вклад не менее 500 рублей [Николаева, с. 54].

В архиве Соловецкого монастыря сохранилась грамота митрополита Варлаама, объясняющая цели его вклада: «Послали есмя к вам с старцом Филаретом на вечной поминок 50 рублей, и вы б пожаловали, при животе велели за нас Бога молить, а по преставлении нашем пожаловали, велели корм кормити всяк год безпеременно на наше преставление и в сенаники, и в повседневном списке, и в литейные списки велели написати и поминати нас,

¹⁵ Полица – ‘пластина, лист металла’ (см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 218).

доколе Всемилоствиваго Спаса и великих преподобных чудотворцов дом стоит, а из сенаников, и с повседневных списков, и из литейных списков не выгладить, доколе Всемилоствиваго Спаса и великих и преподобных чудотворцов Зосимы и Савватая дом стоит. И как, господине, до вас денги дойдут, и вы б пожаловали, прислали ко мне памятку за своими руками, как у вас ведется по монастырскому обычаю, и прочие христоролюбцы дают»¹⁶.

Согласно грамоте, за вклад в 50 рублей митрополит Варлаам желал быть записанным во все виды существовавшего в то время в Соловецком монастыре поминовения, а именно: в вечное синодичное, совершавшееся в алтаре повседневное, кормовое и литийное. Практика записи кормовых вкладчиков во все виды поминовения была распространена и в других монастырях Русской церкви и, по-видимому, являлась традиционной. Например, в Иосифо-Волоколамском монастыре во второй половине XVI в. «имя, записанное в кормовое Поминание, записывалось обязательно в Повседневный Список, а в вечный Синодик записывался весь род вкладчика» [Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря, с. 7].

К сожалению, проверить была ли исполнена воля владыки, в настоящее время не представляется возможным по причине отсутствия в распоряжении исследователя повседневных и литийных синодиков Соловецкого монастыря. Однако в отношении кормового поминания воля митрополита Варлаама не была исполнена в точности. Согласно грамоте, владыка просил соловецкого игумена «корм кормити всяк год безпеременно на наше преставление», то есть совершать кормовое поминание в день смерти митрополита. На деле корм по владыке совершался в Соловецком монастыре в составе уже рассмотренной нами большой коллективной архиерейской памяти, приуроченной к дню смерти митрополита всея Руси Макария.

Во вкладных книгах Соловецкого монастыря имеется упоминание еще об одном новгородском архиерее XVI столетия, сделавшем вклад в обитель, архиепископе Пимене (1552–1570 гг.): «Архиепископ Пимин Великого Новаграда и Пскова дал перцу и ширинок на пол 6 рубля» (Археограф. 125. Л. 107; Археограф. 152. Л. 604). На цель этого вклада проливает свет вкладная книга Соловецкого монастыря XVI в. В данном списке вкладной книги вклад архиепископа Пимена находится в разделе «Книги меньших вкладов всех городов и волостей, которыя давали вклады по трицать рублей и менши, и тех пишут по сим книгам в литию и на урочные лета по рублем, сколько рублей, столько и лет, а в сенаник их пишут без выгладки» (Археограф. 125. Л. 107). Таким образом, после смерти владыки его имя должно было 5 с половиной лет поминаться в Соловецком монастыре на заупокойных литиях, а также быть навсегда вписано в вечный синодик.

Однако в основной части доступных синодиков Соловецкого монастыря нами не было найдено поминания архиепископа Пимена. Имя владыки находится в синодиках лишь в составе общего поминания среди имен других архиереев Новгородской епархии. Вероятно, причиной этому является плохая сохранность монастырских синодиков.

Из новгородских владык XVII столетия наиболее видным вкладчиком Соловецкого монастыря был митрополит Исидор (1603–1619 гг.). Стоимость его вкладов значительно превосходила вклады других архиереев. Согласно подсчетам соловецких монахов, она составляла 1060 рублей (Археограф. 152. Л. 87), а полное перечисление всех его вкладов во вкладной книге занимает почти две страницы. Сумма, пожертвованная владыкой обители, была огромной. Известно, что в 1557 г. царь Иван Грозный «пожаловал, дал игумену Филиппу на каменную церковь Боголепнаго Преображения тысящу рублей» (Археограф.

¹⁶ Грамота Варлаама митрополита с деньгами 50 рублей вкладу // ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 20/1479 (далее – Сол. 20/1479). Копийная книга архиерейских грамот XIX в. Л. 42 об.

152. Л. 8 об.). Эти деньги смогли полностью покрыть затраты монастыря на постройку Спасо-Преображенского собора [Буров, 2013, с. 85].

Причиной столь активной вкладной деятельности владыки были особые духовные отношения, связывавшие иерарха с Соловецкой обителью. Известно, что митрополит Исидор был постриженником Соловецкого монастыря, а до поставления в архиерейский сан около семи лет являлся его игуменом [Досифей (Немчинов), с. 95]. Учитывая размер вклада, сделанного митрополитом Исидором, он и его род должны были быть записаны во все виды существовавшего в монастыре заупокойного поминовения, о чем свидетельствует кормовая книга, «Подстенный» синодик ГМИР 392, а также вкладная книга, согласно которой имя митрополита Исидора должно было быть включено в повседневный литейный синодик: «Книги вкладные, христороубцам которые давали по своим родителям и по своим душам, большие даяния по сту рублей, и болши ста, и менши ста, по пятидесяти рублей и по сороку рублей, а по тех по всех ныне кормят кормы и в повседневную литию написаны в веки, доколе и манастырь стоит» (Археограф. 152. Л. 109).

В архиве Соловецкого монастыря сохранилось 7 грамот митрополита Исидора, в которых есть упоминание о его вкладах в обитель (Сол. 20/1479. Л. 52, 53 об., 57, 57 об., 58 об., 60, 60 об.). Из этих грамот видно, что владыка был не только щедрым, но также требовательным и внимательным вкладчиком. В одной из грамот владыка просил игумена Иринарха, управлявшего обителью в 1614–1626 гг. [Досифей (Немчинов), с. 124–129], сделать полное описание всех своих вкладов, а также выяснить, сколько имен его предков записано в литийное поминовение: «Да пожаловали бы есте, сынове, к нам отписали о всем подлинно, выписав из книги, что нашего всего вклада в Соловецком монастыре... и сколько имен наших родителей в литею написано»¹⁷. Такое внимательное отношение митрополита Исидора к своим вкладам, а также к вопросу заупокойного поминовения предков в Соловецком монастыре свидетельствует о благочестивом страхе владыки остаться после смерти без поминовения, а также о глубокой вере митрополита в силу молитвы соловецких иноков.

Вкладная книга Соловецкого монастыря XVII в. также упоминает о вкладе еще одного новгородского архиерея – митрополита Киприана (1626–1634 гг.): «Преосвященный Киприан митрополит Великого Новагорода и Великолутцкий приказал на поминок по себе дати денег 12 рублей, и те деньги прислал по нем из великого Новагорода казначей митрополичь старец Анфим с слугою с Аристом Наумовым» (Археограф. 152. Л. 87). К сожалению, имя митрополита Киприана нам удалось найти лишь в составе общего поминания дошедших до наших дней синодиков Соловецкого монастыря. Однако, согласно размеру его вклада, составлявшего 12 рублей, его имя должно было 12 лет поминаться на литиях, а также навсегда быть записано в вечный синодик, о чем свидетельствует правило, изложенное в соловецкой вкладной книге XVI в. (Археограф. 125. Л. 107), вероятно продолжавшее соблюдаться и в XVII столетии.

Последним известным новгородским архиереем XVII столетия, сделавшим вклад в Соловецкий монастырь, был митрополит Аффоний (1635–1649 гг.): «Преосвященный Аффоний митрополит Новгородский и Великолутцкий дал вкладом по родителям своим бархат вишнев мерою 10 аршин, ценою за 30 рублей, да денег 20 рублей, и за то написаны в литею отец его Феодор да мать схимница Евникея» (Археограф. 152. Л. 87). Согласно размеру вклада митрополита Аффония, имена его родителей должны были быть записаны не только в литийное, но и в кормовое поминание (Археограф. 152. Л. 109). Несмотря на то что в кормовой книге Соловецкого монастыря нет специальной памяти родителей митрополита Аффония, вероятно,

---

¹⁷ Грамота игумену Иринарху, в коей митрополит Исидор благодарит за присылку рыбы и уведомляет, что он жертвует в монастырь на престольное Евангелие // Сол. 20/1479. Л. 59 об.

она совершалась в составе кормовой памяти «Ианнуариа в 14 день корм по вкладчикам, которые давали по пятидесяти рублей и болше» (Сол. 191/191. Л. 143 об.).

Таким образом, поминовение новгородских владык совершалось в монастыре в рамках вечного, повседневного, литийного и кормового поминания, которое было основано на их вкладах в обитель. Размер вкладов новгородских архиереев в Соловецкий монастырь был различен и зависел от их личного произволения. Лишь 8 из 22 владык, возглавлявших Новгородскую епархию с момента основания Соловецкого монастыря при архиепископе Ионе (1458–1470 гг.) до 1682 г. – времени передачи обители под управление холмогорских архиереев при митрополите Новгородском Корнилии (1674–1695 гг.), сделали вклад в Соловецкую обитель и были записаны в ней в различные формы заупокойного поминовения. Этот факт говорит о том, что участие новгородских владык в поминальной практике Соловецкого монастыря не было традицией Новгородской кафедры, несмотря на то что в других епархиях Русской церкви традиция активного участия епархиальных архиереев в поминальной практике наиболее почитаемых монастырей своей епархии существовала.

Например, все московские патриархи XVII в. начиная с Гермогена, возглавлявшего Русскую церковь с 1606 по 1612 г., делали вклады в Троице-Сергиев монастырь, о чем свидетельствует вкладная книга обители¹⁸. Вклады в Троице-Сергиев монастырь делали и многие московские митрополиты XVI в., среди них Симон (1495–1511 гг.), Иоасаф (1539–1542 гг.), Макарий (1542–1563 гг.), Кирилл (1568–1572 гг.) и Антоний (1572–1581 гг.).

Примечательно, что из новгородских архиереев вклады в Троице-Сергиев монастырь сделали лишь архиепископы Серапион (1506–1509 гг.), Макарий (1526–1542 гг.) и Серапион (Курцов) (1551–1552 гг.), а также митрополит Исидор (1603–1619 гг.). Архиепископы Серапион и Серапион (Курцов) имели прочные духовные связи с Троицкой обителью. До своего поставления на Новгородскую кафедру оба архиерея являлись игуменами Троице-Сергиева монастыря. Об особых связях архиепископа Макария и митрополита Исидора с Троицкой обителью ничего не известно, однако сделанные ими вклады позволяют говорить, что они высоко ценили Троицкий монастырь и совершавшиеся за вкладчиков молитвы его иноков.

За годы управления Новгородской епархией, а затем и будучи митрополитом всея Руси, архиепископ Макарий суммарно дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь 100 рублей¹⁹. Вклад митрополита Исидора в Троицкую обитель составлял 50 рублей²⁰. Однако вклады этих владык в Троице-Сергиев монастырь были несоизмеримы с их вкладами в Соловецкую обитель. Как уже было отмечено, архиепископ Макарий вложил в Соловецкий монастырь «пятьдесят рублей, да книгу Никон в пятнадцать рублей, да зделал часы болшие» (Археограф. 152. Л. 86), а суммарный размер вкладов митрополита Исидора в обитель составлял 1060 рублей (Археограф. 152. Л. 87).

Рассмотрев вклады новгородских архиереев в Троице-Сергиев монастырь, можно сделать вывод, что, несмотря на широкое почитание прп. Сергия Радонежского, существовавшее на Руси в XV–XVII вв. и не позднее середины XV в. распространившееся и в Новгородской земле [Голубинский, с. 71–72], новгородские архиереи почти не участвовали в поминальной практике основанной им Троицкой обители. Кроме того, интерес владык Новгорода к поминальной практике Соловецкого монастыря был выше, чем к поминальной практике Троице-Сергиева монастыря.

¹⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 37–38.

¹⁹ Там же. С. 38.

²⁰ Там же.

Однако те же данные свидетельствуют о том, что Соловецкий монастырь все же не являлся традиционным для новгородских архиереев местом поминовения и дачи вкладов. В связи с этим встает вопрос: были ли у новгородских владык традиционные места поминовения, каким для московских митрополитов, а затем и патриархов был Троице-Сергиев монастырь? По наблюдениям А. Г. Боброва, еще во времена новгородской независимости в Новгороде существовала группа так называемых «владычных» обителей, в которую входили Хутынский, Деревяницкий и Лисицкий монастыри, «подчинявшиеся кафедре напрямую, без посредства архимандрита и стоявшего за ним веча» [Бобров, 2001а, с. 53–54].

Наиболее значимым из этих монастырей еще во времена новгородской независимости был Деревяницкий. Известно, что в XV столетии в нем стояли «владычнѣ хоромы»²¹, а сам монастырь исполнял роль «владычной» резиденции и некрополя [Бобров, 2015, с. 135]. Свидетельством тому, что в Деревяницкой обители совершалось заупокойное поминовение по усопшим новгородским владыкам, являются записи о поминальных трапезах, находящиеся в списке Иерусалимского устава первой половины XVI в., происходящем из Деревяницкого монастыря. Согласно записям, поминальные трапезы в монастыре совершались по следующим новгородским владыкам: Василию Калике (+ 1352), Алексию (+ 1389), Иоанну (+ 1417) и Евфимию I (+ 1429). Особое поминовение новгородских владык совершалось в Деревяницком монастыре не случайно. Согласно свидетельству Новгородской первой летописи младшего извода, новгородские архиепископы Алексей и Иоанн были похоронены на территории обители²². В свою очередь, архиепископ Евфимий I также был погребен в Деревяницком монастыре, о чем свидетельствует запись о поминальной трапезе в упомянутом списке Иерусалимского устава: «М(е)с(я)ца ноября 1 д(е)н(ь) обѣд по вл(а)д(ы)кы по Еуфимьи, что лежит здѣс(ь)» [Бобров, 2015, с. 135]. Что касается архиепископа Василия Калики, то, по мнению А. Г. Боброва, «он, возможно, также предполагал “удалиться на покой” в эту обитель, поэтому дал в Деревяницкий монастырь вклад на свое “вечное поминание”» [Бобров, 1993, с. 190; Бобров, 2001б, с. 90].

Впрочем, перечень владык, в память о которых в Деревяницком монастыре в первой половине XVI в. совершались поминальные трапезы, ограничен архиереями XIV – первой трети XV столетия. На наш взгляд, это свидетельствует о постепенной потере новгородскими владыками связи с Деревяницким монастырем и другими «владычными» обителями. Подтверждением этому является древнейший синодик Лисицкого монастыря конца XIV в., содержащий в том числе и поминальные записи XV столетия. Из новгородских иерархов XV в. в основной части синодика Лисицкого монастыря, запись в которую осуществлялась за вклады, упоминаются лишь два архиерея: архиепископы Евфимий Брадатый (1423–1429 гг.) и Евфимий II (1429–1458 гг.) [Новгородские синодики, с. 70, 204]. К сожалению, более подробно осветить вопрос, связанный с поминовением новгородских владык во «владычных» монастырях в XV–XVII вв., не представляется возможным в силу плохой сохранности их поминальных документов – синодиков, вкладных и кормовых книг. Косвенные указания на то, что потеря новгородскими архиереями интереса к вкладной деятельности, а значит, и поминовению во «владычных» монастырях действительно имела место, содержит Описание Хутынского монастыря 1642 г.²³ Данная опись была составлена по указу царя Михаила Федоровича и представляет собой полное описание всего монастырского имущества. Примечательно, что при описании многих предметов, находившихся в ризнице обители, составители описи указывали имя их вкладчика. Согласно описи, среди вкладчиков Хутынского монастыря были русские цари, а также бояре

---

²¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 404.

²² Там же. С. 407, 475.

²³ Опись Новгородского Спасо-Хутынского монастыря 1642 года. СПб., 1856.

и другие служилые люди, иногда отмечались и представители духовенства, однако новгородские архиереи среди них не упомянуты.

На наш взгляд, причиной потери владыками интереса к поминовению во «владычных» монастырях является постепенное установление над ними великокняжеского, а затем и царского патроната. По крайней мере, мы можем сделать такой вывод в отношении Хутынского и Деревяницкого монастырей. Еще в конце XIX в. исследователь истории Хутынского монастыря И. Ф. Токмаков писал: «История монастыря начинается с того времени, как преподобный Варлаам вразумил покорителя Новгорода (великого князя Ивана III. – Н. М.), дерзновенно приступившего к святыне мощей его, и с этого времени начались великокняжеские и царские вклады в Хутынскую обитель» [Токмаков, с. 19].

Впрочем, наиболее ранние свидетельства об установлении патроната московских государей над «владычными» обителями относятся к царствованию Ивана Грозного. До нашего времени дошла царская жалованная грамота, составленная в октябре 1577 г., освобождавшая крестьян, живших в вотчинах Хутынского монастыря, от податей и оброков, а также предоставлявшая монастырю половину доходов с некоторых лавок в Новгороде [Андреев].

Известно, что Иван Грозный освобождал «владычные» монастыри не только от налогов, но также и от суда новгородских архиереев. Согласно царской несудимой грамоте Деревяницкому монастырю, «архиепископ Новгородский и его тиуны игумена и его братью не судят ни в чем, опричь духовных дел, а чернцов своих игумен судит во всем сам, а что шло с Деревяницкого монастыря архиепископу Новгородскому и его наместнику, и тиуну, и его людям, и дьяком владычным, и попом софейским откупа пошлин, – и им откупа и пошлин Владыце и его наместнику, и тиуну и его людям, и дьяком владычным, и попом софейским не давати ничего. ...Также попрошатаи и владычни люди, и наместничии, и волостелины и боярские люди ни инные ни которые в монастырь и по волостям у них просить не ездят»²⁴.

Таким образом, насельники Деревяницкого монастыря и жители его вотчин были изъяты государем из судебной юрисдикции новгородского владыки, а также были освобождены от уплаты архиерейских пошлин и других денежных сборов. Привилегии, дарованные «владычным» монастырям московскими государями, разрушали складывавшиеся веками взаимоотношения между этими обителями и новгородскими архиереями. Вероятно, изменения в характере взаимоотношений между новгородскими владыками и подчинявшимися им некогда обителями наложили отпечаток и на поминальную практику, делая поминовение в бывших «владычных» монастырях менее привлекательным для новгородских архиереев.

Однако «владычные» монастыри были не единственным местом традиционного поминовения новгородских владык. Важную роль в их поминальной практике играл новгородский Софийский собор. Т. И. Шабловой были опубликованы 4 синодика Софийского собора относящиеся к 1558, 1604/1605, 1637 гг. и к концу XVII в. [Новгородские синодики, с. 88–117; 118–155; 156–164; 165–176]. В основной части указанных синодиков находится поминание родов следующих новгородских владык: архиепископов Иоанна (1388–1415 гг.), Евфимия (1423–1429 гг.), Феодосия (1542–1551 гг.), Серапиона (1551–1552 гг.), Пимена (1552–1571 гг.), Леонида (1571–1575 гг.), а также митрополитов Александра (1576–1591 гг.), Варлаама (1592–1601 гг.), Исидора (1603–1619 гг.), Макария (1619–1626 гг.), Киприана (1626–1634 гг.), Аффония (1635–1649 гг.), Никона (1649–1652 гг.), Макария (1652–1662 гг.), Питирима (1664–1672 гг.), Иоакима (1672–1674 гг.) и Евфимия (1695–1696 гг.).

²⁴ Летопись и акты новгородского Воскресенского Деревяницкого монастыря. СПб., 1911. С. 14–16.

Таким образом, участие новгородских архиереев в поминальной практике Софийского собора было устойчивой традицией. Поминальные вклады в Софийский собор за себя и свой род делали все новгородские архиепископы и митрополиты XVI–XVII вв., начиная с архиепископа Феодосия (1542–1551 гг.).

В синодиках Софийского собора нет поминания рода лишь одного новгородского архиерея XVII в. – митрополита Корнилия (1674–1695 гг.). Вероятно, отсутствие поминания рода митрополита Корнилия в синодиках Софийского собора обусловлено тем, что 3 марта 1695 г. владыка оставил Новгородскую кафедру и удалился на покой в Зеленецкий монастырь, где когда-то принял монашеский постриг [Устинова, с. 125]. Известно, что митрополит Корнилий был щедрым вкладчиком Зеленецкого монастыря, в своей духовной грамоте владыка писал: «...недостатки же всех церковных вещей, елико довлеет, святыми иконами, и ризами, и книгами, и всякой утварию, и колоколами исполнишася нашего смирения келейною казною»²⁵. Во время управления митрополитом Корнилием Новгородской епархией в Зеленецком монастыре также велась активная строительная деятельность, были возведены «каменный Троицкий собор, примыкающая к нему колокольня, Благовещенская церковь с трапезной, келейные корпуса, ограда с надвратной Иоанно-Богословской церковью» [Устинова, с. 125]. Очевидно, что наиболее важным местом поминовения для себя и своего рода владыка считал именно Зеленецкий монастырь, по этой причине он, по-видимому, не делал вкладов на поминовение в новгородский Софийский собор.

Подводя итоги, следует сказать, что поминовение новгородских архиереев в Соловецком монастыре совершалось различными способами. Во-первых, в рамках общего поминания, входившего в монастырские синодики. В его состав включались имена всех иерархов, когда-либо занимавших Новгородскую кафедру. Такое поминовение носило этикетный характер и продолжалось в монастыре лишь до времени его подчинения холмогорским владыкам в 1682 г.

Во-вторых, поминовение новгородских владык (а также в ряде случаев их родственников) совершалось в обители на основании их вкладов, в рамках вечного, повседневного, литийного и кормового поминания. При этом вклад в Соловецкий монастырь сделали лишь 8 из 22 владык, возглавлявших Новгородскую епархию с момента основания монастыря при архиепископе Ионе (1458–1470 гг.) и до 1682 г. – времени передачи обители под управление холмогорских архиереев при митрополите Новгородском Корнилие (1674–1695 гг.).

Размер вкладов новгородских архиереев в Соловецкий монастырь был различен. Из всех новгородских владык значительный вклад в 50 рублей и более, дававший вкладчику право на запись в кормовое и литийное поминание, внесли митрополит всея Руси Макарий, управлявший Новгородской епархией в 1526–1542 гг., митрополиты Новгородские Варлаам (1592–1601 гг.), Аффоний (1635–1649 гг.), Исидор (1603–1619 гг.). Вклады митрополитов Варлаама и Аффония были минимально достаточными для записи в кормовое и литийное поминание. Напротив, вклады митрополитов Макария и Исидора не были связаны лишь с желанием этих архиереев быть записанными в поминание в Соловецком монастыре. Они носили характер крупного пожертвования на благоустройство обители.

Вклады менее 50 рублей, дававшие вкладчику право быть записанным только в вечный синодик, а также в литийное поминание на количество лет, равных сумме вклада, внесли архиепископ Пимен (1552–1570 гг.) и митрополит Киприан (1626–1634 гг.).

Источники, связанные с поминальной практикой Соловецкого монастыря, не позволяют определить характер и размер вкладов некоторых новгородских архиереев: архиепископа Геннадия (1490–1504 гг.) и митрополита Макария (1652–1662 гг.). Вероятно, запись о вкладе

---

²⁵ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб., 1864. Т. 2. Стб. 734–736.

последнего не вошла во вкладную книгу Соловецкого монастыря в связи с незначительной суммой его вклада. Напротив, архиепископ Геннадий мог быть значительным вкладчиком и почитателем Соловецкой обители, о чем известно из агиографических источников. Косвенным свидетельством этому является количество имен его родственников (145), записанных в поминание в монастырском синодике Епарх. 944. Вероятно, размер вклада владыки не был точно зафиксирован по причине отсутствия в период его управления Новгородской епархией традиции ведения в Соловецком монастыре вкладных записей.

Количество новгородских архиереев – вкладчиков Соловецкого монастыря свидетельствует, что Соловецкая обитель не считалась новгородскими владыками значимым местом поминовения, каким в годы новгородской независимости для них были «владычные» Деревяницкий, Хутынский и Лисицкий монастыри, а затем до конца XVII столетия оставался новгородский Софийский собор. Однако Соловецкий монастырь пользовался у новгородских архиереев гораздо большим почитанием, чем некоторые другие знаменитые обители Московской Руси, не относившиеся к Новгородской епархии, например Троице-Сергиев монастырь.

Приложение

Вклады новгородских архиереев в Соловецкий монастырь

Архиерей (годы управления Новгородской епархией)	Описание вклада	Вид поминовения
Архиепископ Геннадий (1484–1504 гг.)	Нет достоверных данных.	Поминание рода архиепископа Геннадия из 145 имен ²⁶ .
Митрополит всея Руси Макарий (архиепископ Новгородский в 1526–1542 гг.)	«Митрополит Макарей дал пятьдесят рублей, да книгу Никон в пятнадцать рублей, да зделал часы болшие» ²⁷ .	Поминание родителей митрополита Макария ²⁸ .
		Кормовая память митрополита Макария 31 декабря ²⁹ .
Архиепископ Пимен (1552–1570 гг.)	«Архиепископ Пимин Великого Новаграда и Пскова дал перцу и ширинок на пол 6 рубля» ³⁰ .	Нет достоверных данных ³¹ .

²⁶ ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 944 (далее – Епарх. 944). Синодик Соловецкого монастыря. XVI в. Л. 36–43 об.

²⁷ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 2 (Актовые книги Археографической комиссии). Оп. 1. № 125 (далее – Археограф. 125). Вкладная книга Соловецкого монастыря. XVI в. Л. 23–23 об.; № 152 (далее – Археограф. 152). Вкладная книга Соловецкого монастыря. XVII в. Л. 86.

²⁸ Епарх. 944. Л. 29 об.

²⁹ ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 191/191 (далее – Сол. 191/191). Кормовая книга Соловецкого монастыря. XVII в. Л. 143 об.

³⁰ Археограф. 125. Л. 107; Археограф. 152. Л. 604.

³¹ Исходя из суммы вклада архиепископ Пимен должен был 5 с половиной лет поминаться на заупокойных литиях и быть записан в вечное поминовение согласно правилу, изложенному во Вкладной книге Соловецкого монастыря: «Книги меньших вкладов всех городов и волостей, которые давали вклады по трицать рублей и менши, и тех пишут по сим книгам в литию и на урочные лета по рублем, сколько рублей, столько и лет, а в сенаник их пишут без выплады» (Археограф. 125. Л. 107).

Митрополит Варлаам (1592–1601 гг.)	50 рублей ³² .	Кормовая память митрополита Варлаама 31 декабря ³³ .
Митрополит Исидор (1603–1619 гг.)	Суммарная стоимость всех вкладов 1060 рублей ³⁴ .	Поминание рода митрополита Исидора из 11 имен ³⁵ .
		Кормовая память (корм с квасом) по митрополиту Исидору 7 декабря ³⁶ .
Митрополит Киприан (1626–1634 гг.)	12 рублей ³⁷	Нет достоверных данных ³⁸ .
Митрополит Аффоний (1635–1649 гг.)	«Преосвященный Аффоний митрополит Новгородский и Великолуцкий дал вкладом по родителям своих бархат вишневого мерю 10 аршин, ценою за 30 рублей, да денег 20 рублей, и за то написаны в литею отец его Феодор да мать схимница Евникая» ³⁹ .	Поминание родителей митрополита Аффония ⁴⁰ .
Митрополит Макарий (1652–1662 гг.)	Нет данных.	Поминание рода митрополита Макария из 52 имен ⁴¹ .

Литература

- Алексеев А. И. «Иосифлянство» и «Нестязательство» в свете поминальной практики XV в. // Первые Димитриевские чтения. Материалы научной конференции 21–24 апреля 1996 г. СПб., 1996. С. 78–91.
- Алексеев А. И. О складывании поминальной практики на Руси // «Сих же память пребывает во веки» (Мемориальный аспект в культуре русского Православия). Материалы научной конференции 29–30 ноября 1997 г. СПб., 1997. С. 5–10.
- Алексеев А. И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002. 347, [3] с.
- Андреев В. Ф. Жалованные грамоты Новгородскому Хутынскому монастырю // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 16–18 ноября 2004 г. Великий Новгород, 2005. С. 97–102.
- Бобров А. Г. Новгородское летописание 20-х гг. XV в. // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 48. С. 187–191.

³² Археограф. 125. Л. 29; Археограф. 152. Л. 604; Грамота Варлаама митрополита с деньгами 50 рублей вклада // ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 20/1479 (далее – Сол. 20/1479). Копийная книга архиерейских грамот. XIX в. Л. 42 об.

³³ Сол. 191/191. Л. 143 об.

³⁴ Археограф. 152. Л. 87; Сол. 20/1479. Л. 52, 53 об., 57, 57 об., 58 об., 60, 60 об. (грамоты митрополита Исидора с упоминанием о вкладах в Соловецкий монастырь).

³⁵ ОРФ ГМИР. Кол. 3. Оп. 1. № 392 (далее – ГМИР 392). Л. 73 об. Синодик Соловецкого монастыря. XVII в.

³⁶ Сол. 191/191. Л. 143.

³⁷ Археограф. 152. Л. 87.

³⁸ Исходя из суммы вклада митрополит Киприан должен был 12 лет поминаться на заупокойных литиях и быть записан в вечное поминовение согласно правилу, изложенному во вкладной книге Соловецкого монастыря (см. выше, примеч. 31).

³⁹ Археограф. 152. Л. 87.

⁴⁰ ГМИР 392. Л. 25 об.

⁴¹ ГМИР 392. Л. 258.

- Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 3–123. [Бобров, 2001a]
- Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. 287 с. [Бобров, 2001a]
- Бобров А. Г. Поминальная трапеза в Лисицком монастыре в конце XV века // Круги времен. В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2. С. 133–147.
- Буров В. А. Надгробная плита 1575 г. Михаила Озерова из Соловецкого монастыря // Российская археология. 2001. № 2. С. 132–134.
- Буров В. А. Белокаменные надгробия Соловецкого монастыря XVI–XVII веков // Русское средневековое надгробие XII–XVII века. Материалы к своду. М., 2006. С. 257–268.
- Буров В. А. Государево богомолье – Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV–XIX века). М.; Архангельск, 2013. 500 с., [1] л. табл.
- Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. 2-е изд., испр. и доп. М., 1909. VI, 424 с., 20 л. ил.
- Дергачева И. В. Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М., 2011. 398, [6] с.
- Досифей (Немчинов), архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря и других подведомых сей обители монастырей, скитов, приходских церквей и подворьев, с присовокуплением многих царских, патриарших и других, знаменитых гражданских и духовных лиц, граммат, относящихся к истории сего монастыря. М., 1836. Т. 1. 446 с.
- Карпов А. Ю. Иоаким Корсунянин // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 133–134.
- Конев С. В. Синодология. Часть I: Классификация источников // Историческая генеалогия. 1993. № 1. С. 7–15.
- Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Синодичное предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой / Подгот. текстов и исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2012. 402, [1] с.
- Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М., 2016. 1255 с., [20] л. цв. ил.
- Макарий (Веретенников), архим., Печников М. В. Геннадий // ПЭ. М., 2005. Т. 10. С. 588–598.
- Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. 274 с.
- Мельник А. Г. Места погребения избранных подвижников благочестия в русских монастырях XI–XIV вв. // Восточная Европа в древности и Средневековье. XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2011. С. 185–188.
- Николаева С. В. Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII века: состав монашеской братии и вкладчиков. Дис. ... канд. истор. наук. М., 2000. 382 с.
- Новгородские синодики XIV–XVII веков / [Подгот. текстов, исследование Т. И. Шабловой]. СПб., 2017. 324 с.
- Панченко О. В. Книжники Соловецкого монастыря XVII в. Статья 1. 1620-е – нач. 1640-х гг. // ТОДРА. СПб., 2006. Т. 57. С. 688–793.
- [Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. 827 с. разд. паг.; Казань, 1885. Ч. 2. [4], VI, 582, LXIII с.
- Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. (опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в Древней Руси). Пермь, 1927. [8], 280 с.
- Сазонов С. В. К ранней истории Синодичных Предисловий // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 8–28.
- Сазонов С. В. О видах Синодика-Помянника // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 110–112.
- Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы) / Подгот. текстов и исслед. Т. И. Шабловой. СПб., 2004. 224 с.
- Тарасов А. Е. О некоторых особенностях синодичных памятней русских архиереев в Соловецком монастыре (Синодик ОР ГИМ. Епарх., 944) // Историко-культурное и духовное наследие Соловков: сборник докладов научной конференции. Соловки, 2018. С. 80–84.

- Токмаков И. Ф. Историко-археологический очерк Хутынского Варлаамиева Спасо-Преображенского монастыря (Новгородской губ. и уезда) в связи с кратким историческим сказанием о преподобном Варлааме – Хутынском, Новгородском чудотворце, основателе монастыря, с приложением свидетельства о благодатных знамениях, явленных им страждущему человечеству. М., 1892. [1], 50 с., 3 л. ил.
- Устинова И. А. Корнилий, митрополит Новгородский и Великолуцкий // ПЭ. М., 2015. Т. 38. С. 124–126.
- Устюгов Н. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII века // ВИ. 1946. № 2–3. С. 127–132.
- Хорошев А. С. Летописные списки новгородских владык // НИС. Новгород, 1984. Вып. 2 (12). С. 127–142.
- Штайндорф Л. Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей в Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы международной конференции. М., 2000. С. 103–116.
- Штайндорф Л. «Строго по правилам и в меру»: Стол в Иосифо-Волоколамском монастыре (ок. 1580 г.) // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 4. С. 1031–1052. DOI 10.15826/qr.2018.4.344
- Spock J. The Solovki Monastery 1460–1645. Piety and Patronage in the Early Russian North // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. № 55. S. 534–565.

References

- Alekseev, A. I. “Iosiflyanstvo” i “Nestyazhatel’stvo” v svete pominal’noi praktiki XV v. [“Iosiflyanstvo” and “Nestyazhatel’stvo” in the Light of the Commemorative Practice of the 15th Century]. In *Pervye Dimitrievskie chteniya. Materialy nauchnoi konferentsii 21–24 aprelya 1996 g.* Saint Petersburg, 1996. Pp. 78–91.
- Alekseev, A. I. O skladyvanii pominal’noi praktiki na Rusi [About the Formation of the Commemorative Practice in Rus]. In *“Sikh zhe pamyat’ prebyvaet vo veky” (Memorial’nyi aspekt v kul’ture russkogo Pravoslaviya).* *Materialy nauchnoi konferentsii 29–30 noyabrya 1997 g.* Saint Petersburg, 1997. Pp. 5–10.
- Alekseev, A. I. Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv. [Under the Sign of the End of Times. Essays on Russian Religiosity of the Late 14th – the Early 16th Centuries]. Saint Petersburg, 2002. 347, [3] p.
- Andreev, V. F. Zhalovannyye gramoty Novgorodskomu Khutynskomu monastyryu [Granted Acts to the Novgorod Khutyn Monastery]. In *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli. Materialy nauchnoi konferentsii 16–18 noyabrya 2004 g.* Velikii Novgorod, 2005. Pp. 97–102.
- Bobrov, A. G. Novgorodskoe letopisanie 20-kh gg. XV v. [Novgorod Chronicles of the 20s of the 15th Century]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury.* Saint Petersburg, 1993. Vol. 48. Pp. 187–191.
- Bobrov, A. G. Monastyrskie knizhnye tsentry Novgorodskoi respubliky [Monastic Book Centers of the Novgorod Republic]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Severnorusskie monastyri.* Saint Petersburg, 2001. Pp. 3–123. [Bobrov, 2001a]
- Bobrov, A. G. Novgorodskie letopisi XV veka [Novgorod Chronicles of the 15th Century]. Saint Petersburg, 2001. 287 p. [Bobrov, 2001a]
- Bobrov, A. G. Pominal’naya trapeza v Lisitskom monastyre v kontse XV veka [Commemorative Meal at the Lisitsky Monastery at the End of the 15th Century]. In *Krugi vremen. V pamyat’ Eleny Konstantinovny Romodanovskoi.* Moscow, 2015. Vol. 2. Pp. 133–147.
- Burov, V. A. Nadgrobnaya plita 1575 g. Mikhaila Ozerova iz Solovetskogo monastyrya [Tombstone of 1575 of Mikhail Ozerov from the Solovetsky Monastery]. In *Rossiiskaya arkheologiya.* 2001. No. 2. Pp. 132–134.
- Burov, V. A. Belokamennyye nadgrobiya Solovetskogo monastyrya XVI–XVII vekov [White Stone Tombstones of the Solovetsky Monastery of the 16th – 17th Centuries]. In *Russkoe srednevekovoe nadgrobie XII–XVII veka. Materialy k svodu.* Moscow, 2006. Pp. 257–268.
- Burov, V. A. Gosudarevo bogomol’e – Solovetskii monastyr’: Problemy istorii velikoi severnoi obiteli (XV–XIX veka) [The Tsar’s Pilgrimage – Solovetsky Monastery: Problems of the History of the Great Northern Monastery (15th – 19th Centuries)]. Moscow; Arkhangelsk, 2013. 500 p., [1] l. of tabl.
- Dergacheva, I. V. Drevnerusskii Sinodik. Issledovaniya i teksty [The Old Russian Synodic. Research and Texts]. Moscow, 2011. 398, [6] p.

Dosifei (Nemchinov), archimandrite. Geograficheskoe, istoricheskoe i statisticheskoe opisanie stavropigial'nogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyrya i drugikh podvedomykh sei obiteli monastyrei, skitov, prikhodskikh tserkvei i podvor'ev, s prisovokupleniem mnogikh tsarskikh, patriarshikh i drugikh, znamenitykh grazhdanskikh i dukhovnykh lits, grammat, odnosyashchikhsya k istorii sego monastyrya [Geographical, Historical and Statistical Description of the Stauropegion First-Class Solovetsky Monastery and Other Monasteries, Sketes, Parish Churches and Farmsteads Subordinate to This Monastery, with the Addition of Many Tsarist, Patriarchal and of Other Famous Civil and Clerical Persons Acts Related to the History of This Monastery]. Moscow, 1836. Vol. 1. 446 p.

Golubinskii, E. E. Prepodobnyi Sergii Radonezhskii i sozdannaya im Troitskaya lavra [St. Sergius of Radonezh and the Trinity Lavra Created by Him]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 1909. VI, 424 p., 20 l. of il. Karpov, A. Yu. Ioakim Korsunyanin [Ioakim Korsunyanin]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2010. Vol. 23. Pp. 133–134.

Khoroshev, A. S. Letopisnye spiski novgorodskikh vladyk [Chronicle Lists of Novgorod Hierarchs]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Novgorod, 1984. Issue 2 (12). Pp. 127–142.

Konev, S. V. Sinodikologiya. Chast' I: Klassifikatsiya istochnikov [Synodology. Part I: Classification of Sources]. In *Istoricheskaya genealogiya*. 1993. No. 1. Pp. 7–15.

Kormovoe pominoenie v Uspenskom Kirillo-Belozerskom monastyre v XVI–XVII vekakh. Sinodichnoe predislovie, Kniga Kormovaya, Sinodik Kormovoi [Feed Commemoration in the Assumption Kirillo-Belozersky Monastery in the 16th – 17th Centuries. Synodic Preface, Feed Book, Feed Synodic]. Text preparation and study by T. I. Shablova. Saint Petersburg, 2012. 402, [1] p.

Makarii (Veretennikov), archimandrite. Mitropolity Drevnei Rusi (X–XVI veka) [Metropolitans of Old Rus (10th – 16th Centuries)]. Moscow, 2016. 1255 p., [20] l. of col. il.

Makarii (Veretennikov), archimandrite, Pechnikov, M. V. Gennadii [Gennady]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2005. Vol. 10. Pp. 588–598.

Man'kov, A. G. Tseny i ikh dvizhenie v Russkom gosudarstve XVI veka [Prices and Their Movement in the Russian State of the 16th Century]. Moscow; Leningrad, 1951. 274 p.

Mel'nik, A. G. Mesta pogrebeniya izbrannykh podvizhnikov blagochestiya v russkikh monastyryakh XI–XIV vv. [Burial Places of the Chosen Ascetics of Piety in Russian Monasteries of the 11th – 14th Centuries]. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. XXIII chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto. Materialy konferentsii*. Moscow, 2011. Pp. 185–188.

Nikolaeva, S. V. Troitse-Sergiev monastyr' v XVI – nachale XVIII veka: sostav monasheskoi bratii i vkladchikov [Trinity-Sergius Monastery in the 16th – the Early 18th Century: The Composition of the Monastic Brotherhood and Contributors]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow 2000. 382 p.

Novgorodskie sinodiki XIV–XVII vekov [Novgorod Synodics of the 14th – 17th Centuries]. [Text preparation and study by T. I. Shablova]. Saint Petersburg, 2017. 324 p.

Panchenko, O. V. Knizhniki Solovetskogo monastyrya XVII v. Stat'ya 1. 1620-e – nach. 1640-kh gg. [The Scribes of the Solovetsky Monastery of the 17th Century. Article 1. The 1620s – the Beginning of the 1640s]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2006. Vol. 57. Pp. 688–793.

[Porfir'ev, I. Ya., Vadkovskii, A. V., Krasnosel'tsev, N. F.] Opisanie rukopisei Solovetskogo monastyrya, nakhodyashchikhsya v biblioteke Kazanskoi dukhovnoi akademii [Description of Manuscripts of the Solovetsky Monastery in the Library of the Kazan Theological Academy]. Kazan, 1881. Part 1. 827 p. separate pagination; Kazan, 1885. Part 2. [4], VI, 582, LXIII p.

Savich, A. A. Solovetskaya votchina XV–XVII v. (opyt izucheniya khozyaistva i sotsial'nykh otnoshenii na krainem russkom severe v Drevnei Rusi) [Solovetsky Patrimony of the 15th – 17th Centuries (Experience of Studying Economy and Social Relations in the Far Russian North in Old Rus)]. Perm, 1927. [8], 280 p.

Sazonov, S. V. K rannei istorii Cinodichnykh Predislovii [On the Early History of Synodic Prefaces]. In *Soobshcheniya Rostovskogo muzeya*. Rostov, 1991. Issue 1. Pp. 8–28.

Sazonov, S. V. O vidakh Sinodika-Pomyannika [About the Types of Synodic-Commemoration]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli*. 1992. Rostov, 1993. Pp. 110–112.

Shtaindorf, L. Pominanie usopshikh kak religioznaya i obshchestvennaya dolzhnost' monastyrei v Moskovskoi Rusi (na osnove materialov iz Troitse-Sergieva i Iosifo-Volokolamskogo monastyrei) [Commemoration of the Dead as a Religious and Public Duty of Monasteries in Muscovite Russia (Based on Materials from the

Trinity-Sergius and Joseph-Volokolamsk Monasteries)]. In *Troitse-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoi zhizni Rossii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, 2000. Pp. 103–116.

Shtaindorf, L. “Strogo po pravilam i v meru”: Stol v Iosifo-Volokolamskom monastyre (ok. 1580 g.) [Strictly Regulated and Measured: Meals at the Iosifo-Volokolamsky Monastery, c. 1580]. In *Quaestio Rossica*. 2018. T. 6. No. 4. Pp. 1031–1052. DOI 10.15826/qr.2018.4.344

Sinodik Iosifo-Volokolamskogo monastyrya (1479–1510-e gody) [Synodic of the Iosifo-Volokolamsky Monastery (1479–1510s)]. Text preparation and study by T. I. Shablova. Saint Petersburg, 2004. 224 p.

Spock, J. The Solovki Monastery 1460–1645. Piety and Patronage in the Early Russian North. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. № 55. S. 534–565.

Tarasov, A. E. O nekotorykh osobennostyakh sinodichnykh pamyatei russkikh arkhieriev v Solovetskom monastyre (Sinodik OR GIM. Eparkh., 944) [On Some Features of the Synodic Memories of Russian Bishops in the Solovetsky Monastery (Synodic of the Department of Manuscripts of the State Historical Museum. Diocesan Collection. No. 944)]. In *Istoriko-kul'turnoe i dukhovnoe nasledie Solovkov: sbornik dokladov nauchnoi konferentsii*. Solovki, 2018. Pp. 80–84.

Tokmakov, I. F. Istoriko-arkheologicheskii ocherk Khutynskogo Varlaamieva Spaso-Preobrazhenskogo monastyrya (Novgorodskoi gub. i uезда) v svyazi s kratkim istoricheskim skazaniem o prepodobnom Varlaame – Khutynskom, Novgorodskom chudotvortse, osnovatele monastyrya, s prilozheniem svidetel'stva o blagodatnykh znameniyakh, yavlennykh im strazhdushchemu chelovechestvu [Historical and Archaeological Essay of the Khutyn Varlaamiev Spaso-Preobrazhensky Monastery (Novgorod Province and District) in Connection with a Brief Historical Legend about the Monk Varlaam – Khutynsky, the Novgorod Miracle Worker, the Founder of the Monastery, with the Appendix of the Testimony of the Gracious Signs by Him to Suffering Humanity]. Moscow, 1892. [1], 50 p., 3 l. of il.

Ustinova, I. A. Kornilii, mitropolit Novgorodskii i Velikoluts'kii [Cornelius, Metropolitan of Novgorod and Velikiye Luki]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2015. Vol. 38. Pp. 124–126.

Ustyugov, N. Iz istorii metallurgii Pomor'ya v pervoi polovine XVII veka [From the History of Metallurgy of Pomor'ye in the First Half of the 17th Century]. In *Voprosy istorii*. 1946. No. 2–3. Pp. 127–132.

Nikita A. Marchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ARCHBISHOPS OF NOVGOROD IN THE MEMORIAL PRACTICE OF THE SOLOVETSKY MONASTERY OF THE 15th – 17th CENTURIES

The article is devoted to the study of the tradition of the funeral commemoration of Novgorod archbishops in the Solovetsky Monastery in the 16th – 17th centuries. The memorial donations of Novgorod archbishops to the Solovetsky Monastery are analyzed on the basis of the data of synodics, donation books and feed books. The author came to the conclusion that only 8 out of 22 archbishops who ruled the Novgorod diocese made a memorial donation to the Solovetsky Monastery. Most of the donations were minimally sufficient for commemoration in the monastery. This indicates that commemoration in the Solovetsky Monastery was not considered significant by Novgorod archbishops and was not a tradition of the Novgorod diocese.

Keywords: Solovetsky Monastery, archbishops of Novgorod, funeral commemoration, donations, synodic, donation book, feed book